

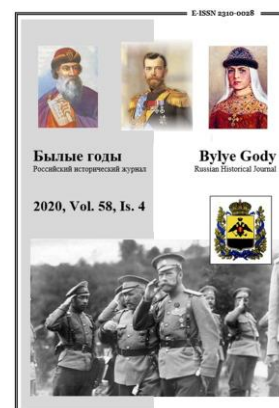
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2835-2844. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2835
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Political Moods of Forced Migrants in Russia during the First World War

Alexandra S. Kuzmenko ^{a, *}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Today, the study of migration remains as relevant as in the last century and, in a few last years, even more actual. The resettlement crisis, covered not only Europe, but also most countries from Mexico and Indonesia to Ukraine and Syria, has boosted interest in the political component of migration among the expert community. At the same time, the previous historical experience of mass forced migration during the First and Second World Wars is expected to be especially valuable due to its uniqueness for modern processes. These conflicts have revealed unexpectedly massive cross impact of forced resettlement both on politics and nation. As a matter of fact, migration affected on attitude towards not only the Government, but also political parties, public organizations and other active political subjects. Nevertheless, the influence of such processes on the migrants themselves used to escape researcher's attention. Eastern Siberia in that case is assumed to be indicative region as a result of the fact that it was the receiving territory for such human wave. Forced migrants appeared in the area were potential social base for political powers in the region. Considering the reasons and conditions of their movements Siberian active subjects could use them as an effective recourse in their political struggle. But how successful were they in such attempts? What hurdles did they meet on that way? Were forced migrants active and political experienced or inert and inefficient? The purpose of this paper is to find answers to these questions. The author determines and characterizes certain aspects of political moods of forced migrants, caused by world military conflict. The article analyses the level of political activity/inertia of these different groups. Eventually the author defines reasons of these processes and makes a conclusion about a forced migrant's political behaviour.

Keywords: political moods, forced migration, Siberia, World War I, refugees, evicted persons, deportation, migrant legal status, legitimacy.

1. Введение

Сегодня изучение миграции остается не менее актуальным, чем в прошлом столетии. Как отметил известный французский антрополог и философ Б. Латур, «...(даже) мы, европейцы, сами находимся в состоянии миграции на нашей территории...» (Latour, 2017). Переселенческий кризис, охвативший не только Европу, но и большинство стран от Мексики и Индонезии до Украины и Сирии, ожидаемо повлек за собой рост интереса к политической составляющей миграции в среде экспертного сообщества. При этом предшествующий исторический опыт периода массовых недобровольных переселений во время Первой и Второй мировой войн представляется сейчас особенно ценным в силу своего одновременно уникального и в то же время определяющего для современных процессов характера.

2. Материалы и методы

Предметом изучения данной статьи стали именно политические настроения недобровольных переселенцев на территории Российской империи в период Первой мировой войны¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: askuzmenko@sfu-kras.ru (A.S. Kuzmenko)

Исследование основано как на материалах периодической печати начала XX столетия, так и неопубликованных архивных данных. Среди первых базу составили региональные газеты и журналы – «Сибирская жизнь», «Вестник Приенисейского края», «Вестник Красноярского городского общественного управления». Анализ сибирских периодических изданий позволил охарактеризовать отношение политической элиты к феномену недобровольной миграции и таким образом определить степень ее заинтересованности в переселенцах как потенциальной социальной базе.

Вторая группа – делопроизводственные материалы трех государственных архивов. В Государственном архиве Российской Федерации в трех использованных фондах – 76 «Московско-Киевское жандармское полицейское управление железных дорог», 1768 «Канцелярия петраковского губернатора» и 1769 «Коллекция документальных материалов центральных и местных административных, жандармских, полицейских, судебных учреждений и учебных заведений в Царстве Польском» – содержатся секретные распоряжения о превентивных мерах, ограничивавших деятельность местного населения и приведших к возникновению беженства и вынужденной миграции, а также информация об особенностях и условиях перемещения недобровольных мигрантов. Региональные архивы – Государственный архив Иркутской области и Государственный архив Красноярского края – представлены документами фондов 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» и 595 «Енисейское Губернское Управление». Среди материалов указанных фондов содержатся прошения переселенцев и ответные распоряжения губернаторов, сведения о порядке возвращения высланных и депортированных мигрантов, их оценка действий военного командования и местных сибирских административных органов управления.

Работа базируется на структурно-системном и историко-психологическом методах. Структурно-системный метод помог изучить явление целостно, так как в рамках его применения недобровольный миграционный поток необходимо рассматривать как сложную открытую систему. Именно такое обращение к системному анализу, особенно в силу значительного усложнения внутренней структуры явления в период Первой мировой войны, позволило учесть воздействие не только внутренних структурных, но и внешних факторов в недобровольном типе миграции.

Среди историко-психологических методов как способов реконструкции динамики психологических состояний, идей и т.д. при анализе были выбраны методы исторической реконструкции и инверсии. Первый был применен при воссоздании целостной картины политических настроений мигрантов путем детального и комплексного анализа частных составляющих этого целого – высказываний и заявлений видных общественных и государственных деятелей, донесений административных и военных чинов, писем самих недобровольных переселенцев. Привлечение же инверсии объясняется особенностями изучаемого периода – первого мирового конфликта. Данный метод связан с анализом эмоциональных состояний массового и индивидуального сознания в стрессовых ситуациях, в условиях избытка или, наоборот, недостатка информации. Его использование способствовало вскрытию механизмов функционирования сознания, в котором доминирующую роль играет не рациональная, а эмоциональная составляющая, опирающаяся часто на импульсивное принятие решений, что особенно ярко проявилось во время изучаемого масштабного вооруженного конфликта.

В целом применение указанных методологических приемов позволило определить степень вовлеченности мигрантов в политическую сферу жизни общества и выявить общие характеристики их политических настроений.

3. Обсуждение

Изучение недобровольных миграций началось уже непосредственно в период Первой мировой войны. Основными тенденциями в это время следует назвать приоритетное положение изучения беженства и отсутствие разграничения между вынужденной миграцией и беженством: первый тип просто отождествлялся со вторым. Работы этого периода (Смирнов-Кутачевский, 1915; Кудринский, 1997; Рацкевич, 1916 и др.), как правило, оставляли вне исследовательского поля насильственный аспект перемещения ряда народов, а также проблемы адаптации многочисленных масс интернированных, осложнявшиеся культурными, языковыми, этническими барьерами, что в результате сказывалось на степени истинности и глубине трудов.

После революционных событий и времен Гражданской войны интерес к недобровольным мигрантам ожидаемо снизился. И западных, и отечественных исследователей стал больше волновать вопрос репатриации и реэвакуации военнопленных (Лубны-Герцик, 1926; Polner et al., 1930 и др.). Исследователи еще уделяли некоторое довольно незначительное внимание беженцам, но остальные виды недобровольной миграции, как и прежде, не были обозначены.

В советское время феномен недобровольной миграции практически не изучался. В 1930-х – 1950-х гг. из официальной литературы почти исчезли сами термины – понятия отсутствуют даже в энциклопедических изданиях. И только во второй половине XX в. наметился некоторый подъем.

¹Социальная группа недобровольных мигрантов состоит из трех основных потоков – беженцев, «выселенцев» (или вынужденных мигрантов) и депортированных.

Однако следует заметить, что недобровольная миграция по-прежнему продолжала отождествляться с беженством (Анфимов, 1962; Сидоров, 1973 и др.).

Ситуация изменяется на рубеже XX–XXI вв. Анализу подвергаются миграционная политика российского государства в период Первой мировой войны и после нее, особенности беженства и депортации на различных российских территориях, помощь и проблемы адаптации переселенцев (Buechler, Buechler, 1975; Бартеле, Шалда, 2001; Лахарева, 2001; Хасин, 1999; Курцев, 1999; Холквист, 1999 и др.).

Однако в целом изучение миграционных процессов по-прежнему идет либо в русле нормативно-правовой и организационной деятельности государства (Gatrell, 2017; Белова, 2014; Щеров, 2000), либо сосредотачивается на демографических проблемах и особенностях социально-экономического обеспечения и положения переселенцев (Корнелюк, 2019; Dvoretzkaya, 2016; Цовян, 2005; Туманова, 2005). Политические настроения анализируются в подавляющем большинстве со стороны сообщества-реципиента (Andall, 2000; Hansen, Hager, 2012; Rolfe et al., 2019). Политические настроения, и в частности установки мигрантов, фактически выпадают из исследовательского поля.

4. Результаты

Политические настроения – набор ожиданий общества/социальной группы/индивидуума, направленный на политическую сферу. Он складывается из ожиданий в отношении:

- 1) института государства;
- 2) реальной правящей политической элиты;
- 3) имеющихся в данном социуме политических/общественно-политических организаций/движений и иных групп влияния.

В период Первой мировой войны на их формирование оказывали влияние, с одной стороны, типичные вневременные факторы: уровень политической культуры, распространенность и особенности образовательного уровня той или иной социальной группы, индивидуальные эмоционально-психологические качества индивидуумов, аксиологические установки общества. А с другой – преходящие феномены крупнейшего на тот момент военного конфликта: геополитическое положение и «статус» на мировой арене государства; политические права и свободы, закрепленные действующим законодательством; степень «индустриализованности» общества.

Недобровольные мигранты возникли как самостоятельная и играющая собственную заметную роль группа именно в результате Первой мировой войны. Их политические настроения, кроме указанных условий, в значительной мере определялись причинами появления данного миграционного потока, среди которых ведущее положение занимал сам институт государства.

Категория беженцев, происходившая главным образом из российских западных губерний, имела ярко выраженную традиционную политическую ментальность. Она диктовала наличие соответствующего типа легитимности, который наделял институт государства совершенно конкретными особенностями. Во-первых, все ветви власти не только управлялись из одного центра (несмотря на видимый факт разделения властей), но и рассматривались как единый аппарат, где верховный глава стоял над всеми, как бы не влияя на деятельность ветвей власти, но вмешиваясь в сложных и спорных ситуациях, выступая в роли арбитра. Российские юристы оценивали эту особенность как «основное свойство нашей Верховной объединенной государственной власти» (Захаров, 2002: 305). Позднейшие исследователи также подчеркивали неопределенные полномочия российских царей, которые «в кризисных ситуациях позволяли вполне эффективно выходить из сложных, и подчас тупиковых, ситуаций: войны, болезни, восстания, экстремизм и терроризм и т.п.» (Шмидт, 2014: 20).

Во-вторых, юридическая безответственность монарха воспринималась обществом как естественная, во многом онтологическая, так как проистекала из традиционной «божественной» легитимации царской особы. Безусловный приоритет наследственной передачи власти и ее формальная неограниченность поддерживали веберовскую традиционную легитимность.

В результате среднестатистический мигрант-беженец начала XX столетия воспринимал весь политический «олимп» как «отца». Такие патерналистские ожидания приводили к тому, что ответственность за ликвидацию любых чрезвычайных ситуаций (коей воспринималась и война, и сам феномен недобровольного переселения) в полном объеме возлагалась на государство, персонифицированное в его главе.

Государство отвечало на эти ожидания также традиционным способом: с первых недель войны вплоть до 1917 г. в свет вышел целый ряд нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение материальной, финансовой и иного вида помощи беженцам (Положение о Комитете Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий от 14 сентября 1914 г., Положение Совета министров об оказании ссудной помощи пострадавшему от военных действий населению Царства Польского и прилегающих местностей от 28 февраля 1915 г. и т.д.) (Законы и распоряжения о беженцах, 1916).

Политическая элита также начала активно призывать общественные организации и граждан к усилению благотворительных пожертвований. «Война – смотр всем силам государства, не только военным, но и силам народа...», – обращался к сибирской общественности один из авторов «Вестника Красноярского городского общественного управления» в марте 1915 г. (К-вич, 1915: 4). «В Сибири нормы обычной жизни потрясены значительно мало... Единственное, что сейчас стоит на очереди – это эвакуация в Сибирь беженцев, в устройстве которых городам Сибири придется принять живое и деятельное участие» (И.К., 1915: 7).

Результатом данных мероприятий стало укрепление в беженской среде осознания собственных особых прав и свобод, более широких, нежели у остального гражданского населения империи, поэтому предпринимать активное участие в процессе встраивания в принимающее социально-экономическое пространство, «налаживания быта» они не торопились. Так, Красноярский комитет беженцев сообщал как о довольно типичном (вследствие произошедшего из-за войны и переезда «некоторого сдвига в надломленной душе вчерашнего труженика-хлебороба») случае, когда мать-беженка потребовала вернуть с работ дочь из-за насмешек со стороны других мигрантов, «издевавшихся над тем, что она заставляет свою дочь работать в то время, когда можно жить на беженский паек, не работая» (Вестник Приенисейского края, 1916: 20). В целом, по сообщениям из регионов, труд беженцев не отличался надлежащей интенсивностью.

Но и активных самостоятельных действий по возвращению в привычное состояние первоначально недобровольные мигранты данного типа не предпринимали, ограничиваясь каждодневными составлениями прошений на имя местных властей о предоставлении им довольства и помощи в возвращении: «Покорнейше прошу Ваше Высоко Превосходительство разрешить переехать тестю, отцу моей жены, из Иркутской губернии из города Иркутска... Ивану Говорке с семьей... всего 5 человек...» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 12 доп. Д. 136. Л. 1).

Однако государство, предоставляя дополнительное вспомоществование, не имело целей предоставить и дополнительные права. Возвратный поток беженцев противоречил его стратегическим задачам: «...Было предложено Вашему Превосходительству прекратить возвращение беженцев [в] местности военных действий и прилегающие губернии ввиду затруднительности железнодорожного сообщения размещения и прокормления беженцев и возможности занесения на фронт эпидемии» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427. Л. 74).

Переписка губернских канцелярий по вопросу возвращения беженцев на родину занимала значительную долю времени региональных чиновников. Был разработан и печатался даже специальный бланк отрицательного ответа (как самый частый) на такие запросы, пересылаемые от иркутского генерал-губернатора администрациям западных губерний. В него чернилами вписывались лишь фамилия, имя и отчество беженца. Формулировка же была стандартной: «За переполнением городов и селений вверенной мне губернии беженцами и иностранными подданными воюющих держав не может быть удовлетворено» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 12 доп. Д. 136. Л. 6).

Беженцы, исходя из своего нового понимаемого статуса, реагировали на это самовольными переездами. Так, управляющий канцелярией московского генерал-губернатора писал в июле 1916 г. начальнику Московско-Архангельского жандармского полицейского управления железной дороги генерал-майору П.Я. Соловьеву: «До сведения командующего войсками дошло, что 4 минувшего июня в Москву прибыл поезд с 300 евреями беженцами из Владимирца на вокзал архангельской дороги. В то же время Московским еврейским обществом была получена телеграмма от еврейского комитета, что якобы части беженцев военным начальством разрешено вернуться во Владимирец... Отправление поезда по назначению, в Пермь, состоялось спустя 2 дня, т.е. 6 вечером, так как ответа на телеграмму не последовало...» (ГАРФ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 216. Л. 18).

Когда же становилось ясно, что вернуться домой в силу передвижения фронтовой линии и жесткости позиции государства¹ не представляется возможным, даже в этом случае никаких активных действий со стороны таких мигрантов по встраиванию в социально-экономические структуры сообщества-реципиента не предпринималось. «...Прошу Ваше Превосходительство, – писал заместитель министра внутренних дел А.И. Пильц иркутскому генерал-губернатору, – обратить особое внимание [на] необходимость всемерного привлечения беженцев [к] сельскохозяйственному труду, ...оповестить беженцев, ... указать, что уклонившиеся... будут лишены пайков» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435 картон к332. Л. 36-37).

Появившееся противостояние по линии государство–мигрант–беженец не способствовало повышению лояльных настроений в изучаемой среде в отношении действующих политических институтов и элиты. Теоретически данная социальная подгруппа могла стать источником активного недовольства, а значит – источником рекрутирования для политической контрэлиты. Этого, однако, не произошло.

¹ Телеграмма иркутскому генерал-губернатору от 17 июля 1916 г.: «...Прошу Ваше Превосходительство принять все зависящие меры недопущению самовольного обратного движения беженцев» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427. Л. 71-72).

Возможно, причины здесь следует искать в «исключительности» правового и бытового положения беженцев. Они оказались незамеченными основными политическими силами, противостоящими правящей элите. Архивные фонды фактически не содержат каких-либо упоминаний об активной пропаганде среди беженцев ни радикально настроенных революционных партий левого толка, ни организаций правого крыла. При этом рост негативных настроений у таких недобровольных переселенцев часто упоминается в отчетах и записках, поступавших в руки региональной власти: «...Отношение беженцев к местному населению вследствие культурного уровня колонистов и сильноразвитого ханжекурения – отрицательное. Отношение [к] беженскому сельскохозяйственному труду со стороны жен призванных – признательное, а хуторян-ханжистов – барское» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 279об.).

Помощь, оказываемая беженцам из нескольких источников, создавала в глазах левых движений иллюзию повышенного лояльного фона в отношении правящего политического строя и элиты у таких мигрантов. Агитация же, как правило, успеха не давала. В своих воззваниях, к примеру, Бюро ЦК РСДРП апеллировало к «преступлениям» в отношении беженцев, оставлению их «на произвол судьбы» (Щеров, 2000: 82). Ежедневная практика взаимодействия недобровольного переселенца с государством говорила об обратном. В результате интерес к растрате агитационных ресурсов на мигрантов постепенно снижался – их следовало расходовать на более «горючий», недовольный материал.

Единственные организации, к которым переселенцы данного типа обращались непременно и постоянно, были общественные, такие как Всероссийский союз городов, региональные комитеты помощи беженцам, общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войн и т.д. Но их политическая деятельность мигрантов не волновала: они полностью были сосредоточены лишь на их общественной составляющей и никак иначе данные союзы не воспринимали.

Фактически государство стигматизировало беженцев в глазах общества: придав им особый правовой статус, оно выделило их из состава граждан, а нереализованное расширенное положение поспособствовало отделению уже со стороны самих беженцев, ожидавших подтверждения этому статусу.

В результате лояльность вместо укрепления начала довольно быстро падать. Но форму сопротивления мигранты выбрали пассивную – исключенные, они лишались стимула участвовать в политической сфере жизнедеятельности российского социума. Их политическое поведение обратилось к традиционной идеологии и приобрело характер абсентеистского.

При этом в отношении к другим категориям недобровольных мигрантов в рассматриваемый период стигматизирующая деятельность государства осуществлялась иначе.

Вторая и третья категории недобровольных мигрантов – выселенцы и депортированные – происходили в значительном количестве из губерний, вошедших в состав Российской империи либо сравнительно недавно, либо вообще во время Первой мировой войны (Галиция, Восточная Пруссия). «По приказанию Главного начальника Двинского военного округа доводится до сведения вашего высокопревосходительства, что главнокомандующий приказал немедленно высылать в восточные губернии из г. Варшавы и губерний и Привислинского края всех германских, австро-венгерских и турецких подданных, причем к славянам эту меру подлежит применять с осторожностью и оставить на местах только тех из них, (из славян) кто решительно ничем не скомпрометирован в смысле военного шпионства», – телеграфировал варшавскому генерал-губернатору штаб-офицер для поручений при главном начальнике Двинского военного округа С.А. Корнев (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 2).

Значительную часть данного потока составляли городские жители и жители европейского села – та самая «средняя», базовая для государственных институтов социальная группа, которая, обладая минимумом частной собственности, являлась наиболее консервативной и устойчивой в отношении к радикальным политическим лозунгам и доктринам.

Взгляд на государственные институты указанные социальные подгруппы имели более западный: прослеживалась сформированная на разных этапах бюрократическая форма легитимности. Она отличалась сознательной опорой населения на юридические нормы, создававшиеся чиновниками и ими же реализованные и поддерживавшиеся.

Ментальность такого характера предписывала относиться к власти как к функции, отправляемой определенным кругом лиц, которые нанимались обществом. Соответственно данный вид власти имел совершенно четкие границы, за нарушение которых следовало обязательное наказание, вне зависимости от уровня представителя политической элиты. Государство, словно любая иная организация, воспринималось как обладающее штатом работников, у каждого из которых были обязанности и, что самое важное, право требовать выполнения своих обязанностей у любого другого члена этого института.

Поэтому в ситуации вынужденного переселения, когда миграционный импульс исходил со стороны политического института, и выселенцы, и депортированные мигранты все равно обращались к данному институту. Вопросы аннулирования высылки, обеспечения довольством, перемещения по территории депортации адресовались государственным чиновникам – главам

региона-реципиента и нередко региона-донора. «Я временно выслан впредь до окончания войны..., но для существования к жизни я лично своих средств не имею и бесплатно меня никто содержать не будет. Ввиду вышеизложенного я покорнейше осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство сделать зависящее распоряжение об ассигновании мне из государственных средств денег на пропитание» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 505. Л. 4).

Получая отрицательный ответ, выселенцы и депортированные при этом не обращаются к активным или пассивным формам протеста: в архивных фондах редко встречаются дела о самовольном передвижении представителей такого типа недобровольных мигрантов. В полицейской делопроизводственной документации данный контингент присутствует в основном в случаях запросов западных губернских управлений о положении того или иного «высланного под административный надзор». «Для доклада Штабу Верховного Главнокомандующего комиссия просит срочно телеграфировать 1) количество высланных [в] вверенную вам губернию лиц из Галиции: отдельно заложников, отдельно высланных распоряжением генерал-губернатора и отдельно присланных Киевской городской полицией...» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 617. Л. 1).

Причины такого бездействия со стороны переселенцев данных подгрупп заключаются в упомянутом типе легитимности. Для их носителей несоблюдение законодательных процедур было нарушением привычных юридических норм и правил. А в совокупности с травмирующим опытом вынужденного переезда социально-политический конструкт мира не просто расшатывался, а попадал под опасность разрушения. Деформация привычной картины быта, лишение доступа к «домашним» социально-экономическим занятиям делало для выселенцев и депортированных политические институты единственными знакомыми структурами, «устоявшими» во времена всеобщего движения и хаотизации.

Государство же с самого начала военных действий применяло насильственные меры к перемещению этих подгрупп недобровольных мигрантов довольно жестко: «...Немедленно высылать..., не делая никаких исключений в отношении пола и возраста. Для исполнения сего всех подлежащих высылке лиц арестовывать, сосредотачивать в уездных городах и оттуда под конвоем чинов полиции отправлять ... этапному коменданту г. Варшава», – телеграфировал петраковский губернатор начальникам подведомственных уездов (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 5).

Политическая практика целенаправленно стигматизировала рассматриваемые виды недобровольных переселенцев, не только лишая их права на получение «беженского пайка» – материального, продуктового и финансового обеспечения, но и выделяя территориально – регионам было не раз предписано: «...Ни в коем случае не содержать выселенцев в одном помещении с беженцами» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427 картон 908. Л. 183).

Такая политика «сепаратизации» привела к формированию у выселенцев и депортированных собственного «исключительного» правового статуса. Но, в отличие от беженцев, он имел отрицательный, суженный характер. Сама политическая система в глазах мигрантов вместо использования и структурирования их в общественном пространстве выдавливала, ставила барьеры на пути взаимодействия или встраивания в сообщество-реципиент. Дополнительную отделяющую роль играл этнический фактор: подавляющее большинство выселенцев и депортированных относились к так называемым «неблагонадежным» народам (согласно распространенной в это время в Российской империи «политике населения») – латышам, евреям, немцам и т.д.

Другим отличием в политических настроениях двух рассматриваемых типов являлась большая степень политизации общественных движений, занимавшихся помощью и защитой прав насильственно перемещенных.

Общественные и государственные деятели с начала вступления Российской империи в войну придали политическое звучание деятельности национальных общественных организаций. «Представители польского общества князь Любомирский, Добецкий, Лютославский и Гурский возбудили ходатайство о разрешении служить молебн с пением гимна..., украсить дома флагами не только русскими государственными, но и польскими национальными, а также зажечь иллюминацию. Генерал-от-кавалерии Жилинский не разрешил пение означенного гимна, а также вывешивание польских национальных флагов, остальное разрешено, благоволите объявить просителям» (ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 62. Л. 49).

Но направления высказываемых настроений были противоположны. Политическая элита заявляла о высокой лояльности в отношении государства. «Среди латышей, – писал в начале августа депутат IV Государственной думы от Курляндской губернии Я.Ю. Гольдман, – нет ни одного человека, который бы не сознавал, что все то, что достигнуто под защиту русского орла, что все то, что латышам еще надо достигнуть, станет возможным лишь тогда, когда Прибалтийский край и в будущем останется неразделенной частью великой России... Латыши и эстонцы в настоящей святой и справедливой борьбе пойдут с русским народом до конца» (Сибирская жизнь, 1914: 2). Другой член Думы Н.М. Фридман на этом же заседании выступил с речью, в которой утверждал, что «следуя призывам с высоты престола, русские евреи, как один человек, станут под русские знамена и положат все свои силы на отражение врага» (Сибирская жизнь, 1914: 2).

В то же время общественные и общественно-политические организации нередко открыто выступали с сепаратистскими политическими настроениями. Так, Манифест Главной украинской рады, созданной в начале августа 1914 г. во Львове, провозглашал лояльность конституционному строю Австро-Венгерского государства. Возникший в это же время «Союз освобождения Украины» ставил своей целью с помощью Австро-Венгрии и Германии на территории Российской империи образовать самостоятельное Украинское конституционное монархическое государство.

Столь пестрая идеологическая палитра мнений ставила принудительно перемещенного мигранта в тупик. Она только добавляла ощущение неустойчивости в и без того зыбкий, постоянно движущийся быт выселенца и депортированного. Недобровольные переселенцы данных типов не могли позволить себе тратить ограниченный жизненный ресурс на ориентацию в этом политическом пространстве, особенно в условиях постоянно растущих материально-бытовых проблем.

В результате среди них, как и у беженского контингента, усиливались демотивирующие тенденции в отношении участия в политической сфере. Это способствовало росту изоляционистских настроений, которые препятствовали объединению выселенцев и депортированных в рамках единого политического актора.

5. Заключение

Таким образом, исследуемая категория недобровольных мигрантов оказалась в полном своем составе исключена из политической борьбы в российском обществе периода Первой мировой войны. На политической оси координат в исследуемый период она потенциально могла стать опорой политической системы либеральной демократии (по Ж. Блонделю). И образ патерналистского государства, с одной стороны, и ориентация на индивидуальные ценности и свободу собственности в принятии политических решений – с другой, создавали движение политических настроений к государственным институтам и политической элите.

Но политика «особого статуса» способствовала усилению и затягиванию центробежных политических настроений. Отчуждение, которое вынужденно выработали все типы недобровольных мигрантов в отношении к административным структурам сообщества-реципиента, а затем и властным столичным, центральным органам привело к тому, что в период нарастания гражданского конфликта эта заметная часть населения целенаправленно не обращалась ни к электоральным, ни к экстремальным, ни к стихийным формам политического поведения.

Ее политический потенциал остался незадействованным. Данный факт стал еще одной причиной провала либеральных и умеренно левых сил в России начала XX столетия.

Литература

- Анфимов, 1962** – Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. 216 с.
- Бартеле, Шалда, 2001** – Бартеле Т.М., Шалда В.А. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // *Отечественная история*. 2001. № 1. С. 18-31.
- Белова, 2014** – Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. 432 с.
- Вестник Приенисейского края, 1916** – *Вестник Приенисейского края*. 1916. 28 августа. № 7–4.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Законы и распоряжения о беженцах, 1916** – Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. 104 с.
- Захаров, 2002** – Захаров Н.А. Система русской государственной власти М.: Москва, 2002. 400 с.
- И.К., 1915** – И.К. Текущий момент и задачи городов // *Вестник Красноярского Городского Общественного Управления*. 1915. март. № 2–3.
- К-вич, 1915** – К-вич А. Война и задачи городов // *Вестник Красноярского Городского Общественного Управления*. 1915. март. № 2–3.
- Корнелюк, 2019** – Корнелюк В.Г. Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2019. Том 19. № 1. 131 с.
- Кудринский, 1997** – Кудринский Ф. Людские волны. Беженцы // *Неман*. 1997. № 6. С. 76-194 (переиздано с 1917 года).
- Курцев, 1999** – Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // *Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 95-102.
- Лахарева, 2001** – Лахарева Н.В. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. 204 с.
- Лубны-Герцик, 1926** – Лубны-Герцик Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. 128 с.
- Рацкевич, 1916** – Рацкевич О.Г. Беженцы в Новороссийске. Новороссийск, 1916. 86 с.
- Сибирская жизнь, 1914** – *Сибирская жизнь*. 1914. 2 августа.

- Сидоров, 1973** – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.
- Смирнов-Кутачевский, 1915** – Смирнов-Кутачевский А.М. Беженцы-галичане // *Русская мысль*. 1915. № 9. С. 125-139.
- Туманова, 2005** – Туманова А.С. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточного еврейства* / Отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005. С. 12-141.
- Хасин, 1999** – Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья). Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1999. 157 с.
- Холквист, 1999** – Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // *Россия и Первая мировая война* / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 1999. С. 83-101.
- Цовян, 2005** – Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 Москва, 2005. 187 с.
- Шмидт, 2014** – Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: Дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Барнаул, 2014. 191 с.
- Щеров, 2000** – Щеров И.П. Миграционная политика России в 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. 316 с.
- Andall, 2000** – Andall J. Gender, Migration and Domestic Service: The Politics of Black Women in Italy. Ashgate, 2000. 333 p.
- Buechler, Buechker, 1975** – Buechler H.C., Buechker J.-M. “Los Suizos: Galician Migration to Switzerland” // “Migration and Development. Implications for Ethnic Identity and Political Conflict” / Ed. H.I. Safa, B.M. Du Toit. The Hague – Paris. Mouton Publishers. 1975. Pp. 17-23.
- Dvoretskaya, 2016** – Dvoretskaya A.P. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // *Bylye Gody*. 2016. Т. 42 (№ 4). Pp. 1360-1367.
- Gatrell, 2017** – Gatrell P. Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. Vol. 62. Is. 3.
- Hansen, Hager, 2012** – Hansen P., Hager S.B. The Politics of European Citizenship: Deepening Contradictions in Social Rights and Migration Policy. 2012. 250 p.
- Latour, 2017** – Latour B. «Les super-riches ont renoncé à l'idée d'un monde commun» / Eric Aeschmann et Xavier de La Porte // *Bibliobs*. Publié le 19 mars 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliobs.nouvelobs.com/idees/20170316.OBS6702/bruno-latour-les-super-riches-ont-renonce-a-l-idee-d-un-monde-commun.html> (дата обращения: 06.01.2020).
- Polner et al., 1930** – Polner T.J., Obolensky V.A., Turin S.P., Lvov G.E. Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos / New Haven: Yale University Press, 1930. 319 p.
- Rolfe et al., 2019** – Rolfe H., Runge J., Hudson-Sharp N. Immigration Policy from Post-War to Post-Brexit: How New Immigration Policy can Reconcile Public Attitudes and Employer Preferences // *National Institute Economic Review*. April 24, 2019. [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/002795011924800109> (date of access: 06.01.2020).

References

- Andall, 2000** – Andall, J. (2000). Gender, Migration and Domestic Service: The Politics of Black Women in Italy. Ashgate. 333 p.
- Anfimov, 1962** – Anfimov, A.M. (1962). Rossiskaya derevnya v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian village during the First World War]. М. 216 p. [in Russian]
- Bartale, Shalda, 2001** – Bartale, T.M., Shalda, V.A. (2001). Latishskye bezhency v Rossii v gody Grazhdanskoj voiny [Latvian refugees in Russia during the Civil War]. *Otechestvennaya istoriya*. 1: 18-31. [in Russian]
- Belova, 2014** – Belova, I.B. (2014). Vinuzdennye migranty: bezhency i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914-1925 gg. [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914-1925]. М. 432 p. [in Russian]
- Buechler, Buechker, 1975** – Buechler, H.C., Buechker, J.-M. (1975). “Los Suizos: Galician Migration to Switzerland”. “Migration and Development. Implications for Ethnic Identity and Political Conflict”. Ed. H.I. Safa, B.M. Du Toit. The Hague - Paris. Mouton Publishers. Pp. 17-23.
- Covyan, 2005** – Covyan, D.G. (2005). Deyatelnost' gosudarstvennih organov i obshestvennih organizatsiy po okazaniyu pomoshi bezhencam v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914-1917 gg. [Activities of authorities and public organizations in assistance to refugees during the First World War. 1914-1917]. Diss. na soisk. uch. stepeny k.i.n.: 07.00.02. Moscow. 187 p. [in Russian]
- Csherov, 2000** – Csherov, I.P. (2000). Migracionnaya politika Rossii v 1914-1922 gg. [Migration policy of Russia in 1914-1922]. Smolensk. 316 p. [in Russian]
- Dvoretskaya, 2016** – Dvoretskaya, A.P. (2016). Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State). *Bylye Gody*. Т. 42. 4: 1360-1367.

- GAIO** – Gosydarstvennyi archiv Irkutsoi oblasti [State archive of the Irkutsk Region].
- GAKK** – Gosydarstvennyi archiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of the Krasnoyarsk Krai].
- GARF** – Gosydarstvennyi archiv Rossiiskoi Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- Gatrell, 2017** – *Gatrell, P.* (2017). Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 62(3).
- Hansen, Hager, 2012** – *Hansen, P., Hager, S.B.* (2012). The Politics of European Citizenship: Deepening Contradictions in Social Rights and Migration Policy. 250 p.
- Hasin, 1999** – *Hasin, V.V.* (1999). Migratsionnye processy v Rossiiskoy imperii v Pervuyu mirovuyu voiny (po dokumentam Nizhnego Povolzh'ya) [Migration processes in the Russian Empire in the First World War (according to documents of the Lower Volga Region)]. Diss. na soisk. uch. stepeni k.i.n.: 07.00.02. Saratov. 157 p. [in Russian]
- Holquist, 1999** – *Holquist, P.* (1999). Rossiiskaya katastrofa (1914 – 1921) v evropeiskom kontekste: totalnaya mobilizatsiya i “politika naseleniya” [Russian catastrophe (1914-1921) in the European context: total mobilization and “politics of the population”]. *Rossiia i Pervaya mirovaya voina.* Otv. red. N.N. Smirnov. Spb.: Izd-vo “Dmitry Bulanin”. Pp. 83-101. [in Russian]
- I.K., 1915** – I.K. Tekyshyi moment i zadachy gorodov [Current moment and tasks of cities]. *Vestnik Krasnoyarskogo Gorodskogo Obshestvennogo Upravleniya.* 1915. March. № 2-3. [in Russian]
- Kudrinsky, 1997** – *Kudrinsky, F.* (1997). Kudskye volni. Bezhency [Human waves. Refugees]. *Neman.* 6: 76-194 (pereizdano s 1917 goda). [in Russian]
- Kurcev, 1999** – *Kurcev, A.N.* (1999). Bezhency pervoi mirovoi voiny v Rossii (1914 – 1917) [Refugees of the First World War in Russia (1914 – 1917)]. *Voprosy istorii.* 8: 95-102. [in Russian]
- Lahareva, 2001** – *Lahareva, N.V.* (2001). Reevakuatsiya bezhencev Pervoi mirovoi voiny s territorii Kurskoy gubernii (1918 – 1925 gg.) [Re-evacuation of refugees of the First World War from the territory of the Kursk province (1918 – 1925)]. *Kursk.* 204 p. [in Russian]
- Latour, 2017** – *Latour, B.* (2017). «Les super-riches ont renoncé à l'idée d'un monde commun». Eric Aeschmann et Xavier de La Porte. *Bibliobs.* Publié le 19 mars 2017 [Electronic resource]. URL: <https://bibliobs.nouvelobs.com/idees/20170316.OBS6702/bruno-latour-les-super-riches-ont-renonce-a-l-idee-d-un-monde-commun.html> (date of access: 06.01.2020).
- Lubni-Gercik, 1926** – *Lubni-Gercik, L.I.* (1926). Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR za vremya mirovoi voiny i revoliutsii [Population movement in the USSR during the World War and the Revolution]. M.: Planovoe hozyaistvo. 128 p. [in Russian]
- Polner, 1930** – *Polner, T.J.* (1930). Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. T.J. Polner, V.A. Obolensky, S.P. Turin, G.E. Lvov. New Haven: Yale University Press. 319 p. [in Russian]
- Rackevich, 1916** – *Rackevich, O.G.* (1916). Bezhency v Novorossiiske [Refugees in Novorossiisk]. *Novorossiisk: B.i.* 86 p. [in Russian]
- Rolfe et al., 2019** – *Rolfe H., Runge J., Hudson-Sharp N.* (2019). Immigration Policy from Post-War to Post-Brexit: How New Immigration Policy can Reconcile Public Attitudes and Employer Preferences. *National Institute Economic Review.* April 24. [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/002795011924800109> (date of access: 06.01.2020).
- Shmidt, 2014** – *Shmidt, T.N.* (2014). Chrezvichainoe pravovoe regulirovaniye: obshcheteoreticheskoe issledovaniye [Emergency legal regulation: general theoretical research]. Ddissertatsiya na soiskanye uchenoi stepeni kandidata uridicheskikh nauk 12.00.01 – teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya ucheniy o prave i gosudarstve. Barnaul. 191 p. [in Russian]
- Sibirskaya zhizn, 1914** – *Sibirskaya zhizn* [Siberian life]. 1914. August 2d. [in Russian]
- Sidorov, 1973** – *Sidorov, A.L.* (1973). Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody mirovoi voiny [The economic situation in Russia during the First World War]. M. 655 p. [in Russian]
- Smirnov-Kutachevsky, 1915** – *Smirnov-Kutachevsky, A.M.* (1915). Bezhency-galichane [Galician refugees]. *Russkaya misl'.* 9: 125-139. [in Russian]
- Tumanova, 2005** – *Tumanova, A.S.* (2005). Evreiskye obshchestvennye organizatsii v gody Pervoi mirovoi voiny (na primere Tambovskoy gubernii) [Jewish public organizations during the First World War (on the example of the Tambov province)]. *Mirovoi krizis 1914-1920 godov I sudba vostochnogo evreistva.* M. Pp. 12-141. [in Russian]
- Vestnik Priensseyskogo kraya, 1916** – *Vestnik Priensseyskogo kraya.* 1916. August 28th. № 7-4. [in Russian]
- Zaharov, 2002** – *Zaharov, N.A.* (2002). Systema russkoi gosudarstvennoi vlasti [System of Russian state power]. M. 400 p. [in Russian]
- Zakony i rasporyazheniya o bezhencah, 1916** – *Zakony i rasporyazheniya o bezhencah* [Refugee laws and regulations]. M., 1916. 104 p. [in Russian]
- Korneluk, 2019** – *Korneluk, V.G.* (2019). Migratsionnaya gosudarstvennaya politika i bezhency Pervoi mirovoi voiny iz Belarusy v Saratovskoy gubernii (1915-1918 gody) [Migration state policy and refugees of the First World War from Belarus in the Saratov province (1915-1918)]. *Izvestiya Saratovskogo univ'eristeta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* T. 19. 1: 131. [in Russian]

K-vich, 1915 – K-vich, A. Voina I zadachy gorodov [War and tasks of cities]. *Vestnik Krasnoyarskogo Gorodskogo Obshestvennogo Upravleniya*. 1915. March. 2-3. [in Russian]

Политические настроения недобровольных мигрантов в России в годы Первой мировой войны

Александра Сергеевна Кузьменко ^{а, *}

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Сегодня изучение миграции остается столь же актуальным, как и в прошлом веке, а за несколько последних лет еще более актуальным. Миграционный кризис, охвативший не только Европу, но и большинство стран от Мексики и Индонезии до Украины и Сирии, подтолкнул интерес к политической составляющей миграции среди экспертного сообщества. При этом предыдущий исторический опыт массовой «недобровольной» миграции во время Первой и Второй мировых войн особенно ценен в силу своей уникальности для современных процессов. Эти конфликты выявили неожиданно значительные перекрестные последствия принудительного переселения как для политики, так и для нации. Фактически миграция влияет на отношение не только к правительству, но и к политическим партиям, общественным организациям и другим политическим акторам. Тем не менее, влияние таких процессов на самих мигрантов часто выпадало из поля зрения исследователей. Восточную Сибирь, как территорию-реципиент, в этом случае следует считать показательным регионом. Недобровольные мигранты, появившиеся здесь, были потенциальной социальной базой для политических властей в регионе. Учитывая причины и условия перемещения таких мигрантов, сибирские политические акторы могли бы использовать их в качестве эффективного средства в своей борьбе. Но насколько успешными они были в таких попытках? С какими препятствиями встречались? Являлись ли недобровольные мигранты активными и политически подкованными или инертными и неэффективными в этом взаимодействии? Цель настоящей статьи – найти ответы на эти вопросы. Автор определяет и характеризует отдельные аспекты политических настроений недобровольных мигрантов, вызванных мировым военным конфликтом. В статье анализируется уровень политической активности/инерции этих различных групп. В конечном итоге автор определяет причины этих процессов и делает вывод о политическом поведении недобровольных мигрантов.

Ключевые слова: политические настроения, недобровольная миграция, Сибирь, Первая мировая война, беженцы, высленцы, депортация, правовой статус мигрантов, легитимность.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: askuzmenko@sfu-kras.ru (А.С. Кузьменко)